

ФАКТЫ И УМОЗРЕНИЯ

Поток внимания публики, направленный на психические феномены, усиливается в Европе с каждым годом. Даже немецкая наука и философия начинают проявлять интерес: профессор Вирхов из Берлина — некогда самый неумолимый оппонент утверждения медиумизма и личный враг д-ра Слейда — говорят, пал жертвою очевидности и готовится изучать психические явления с помощью весов и тигля. С другой стороны, широко известный философ Е. фон Гартманн только что опубликовал новый труд под названием «Спиритизм».

Пишущая эти строки пока незнакома со взглядами сего выдающегося ученика Шопенгауэра на спиритизм *в собственном смысле слова*, но вероятность того, что он приписывает большинство его феноменов «иллюзии», весьма велика. Вечер, как правило, зависит от предшествовавшего ему дня, и потому «философия бессознательного» должна отразиться в «Спиритизме». Феномены отрицаться не будут, но их объективные и субъективные, их физические и ментальные проявления будут сгруппированы и втиснуты в узкие рамки той философии отрицания, которая во всех наших представлениях о материи видит всегда «всего лишь обман чувств».

Однако, как бы то ни было, мы хотели бы обратить внимание наших читателей, интересующихся этим вопросом, на некоторые новые случаи, упомянутые в европейских газетах, которые, будучи подробно исследованы и признаны столь же подлинными, сколь и неопровержимыми, весьма озадачили некоторых ученых материалистов, бессильных объяснить их.

Трудно найти мужчину или женщину, которые бы жили и умерли, ни разу не пережив некоего ощущения предчувствия, возникшего без видимой причины и все же подтвердившегося по истечении нескольких дней, недель, а возможно, и многих лет. Книга Будущего, о которой говорят, что она мудро сокрыта от всех смертных глаз, все же раскрывает свои страницы многим детям Земли — действительно, столь многим, что непредвзятый наблюдатель может счесть затруднительным рассматривать такие случаи как простое исключение из правил. Как верно заметил Уилки Коллинз, «среди работников скрытой жизни внутри нас, которую мы можем испытывать, но не можем объяснить, есть ли какие-то более удивительные, нежели те таинственные внутренние воздействия, постоянно используемые для привлечения или отталкивания двух человеческих существ? Как поразительна, как непреодолима их сила и в самых простых, и в самых сложных вопросах жизни!» И если ни один биолог или физиолог до сих пор не может объяснить нам по канонам своей науки, почему столь часто и столь точно мы предсказываем для себя «приближение друга или врага еще до того, как они действительно появятся»; или другое повседневное и довольно распространенное явление даже среди самых больших скептиков: почему у нас вдруг возникает уверенность «так странно и внезапно, с первого взгляда, прежде чем опыт столкнет нас хотя бы с одним фактом, имеющим отношение к чертам его характера, что этого человека мы будем втайне любить или ненавидеть». Если

причины таких частых ментальных феноменов остаются необъясненными нашими новейшими философами, то как они будут истолковывать следующие факты, которые теперь обсуждаются во всех Санкт-Петербургских и Варшавских газетах?

Бедная швея, живущая в Санкт-Петербурге, благодаря упорству и тяжелому труду стала искусной портнихой. Сочтя своего единственного ребенка слишком беспокойным и мешающим ее работе и не имея возможности нанять няню для маленькой девочки, она за небольшую плату поручила ее подруге, жившей за городом. В течение восемнадцати месяцев пребывания ребенка в семье подруги бедная мать время от времени навещала его и каждый раз оставалась весьма довольной уходом за ним. Между тем она работала больше, чем обычно, и за это время так преуспела в своем деле, что уже начала обдумывать возможность однажды забрать дочку домой.

Примерно в конце апреля, спустя несколько дней после поездки за город, которая, как она решила, должна стать последней, ибо теперь у нее были средства нанять няню, ее посетили двое знакомых. Счастливая тем, что нашла свою девочку такою румяной и здоровой, она сидела с двумя своими подругами за чаем, весело рассуждая с ними о своем намерении привезти ребенка домой. Вошла дама, богатая и хорошо известная «патронесса», с заказом на костюм, который нужно было сшить безотлагательно. Эти три свидетеля — богатая аристократка и две бедные швеи — позднее поручаются за достоверность того странного происшествия, которое имело место в их присутствии.

Мать стояла у окна с принесенною дамой дорогой материей в руках, измеряя ее, обсуждая со своей посетительницей таинство ее превращения в наряд весны, когда внезапно зазвонил дверной колокольчик. Госпожа Л. (так звали портниху) открыла дверь и впустила маленькую старушку весьма утонченной внешности, скромно одетую в глубокий траур. Все присутствовавшие были потрясены сильною бледностью ее лица и приятностью тона и манер. Вновь пришедшая явно была дамой.

— Вы госпожа Л.? — спросила она, обращаясь к портнихе, и, получив утвердительный ответ, добавила: — Я принесла вам небольшую работу. Вот кусок тонкого белого муслина. Будьте добры, сшейте из него маленький чепчик и длинное платье для умершего ребенка двух лет, одного из моих внуков.

— Ваш заказ, конечно, должен быть выполнен немедленно, но у меня сейчас работа, которую нельзя отложить, — ответила швея с сочувствием.

— Вовсе нет, — последовал быстрый ответ. — Это понадобится мне лишь через две недели и ни часом раньше. Моя малютка заболела корью только сегодня, *и до того времени не умрет.*

Г-жа Л. не могла не улыбнуться в ответ на весьма удивленные взгляды своей богатой посетительницы и подруг по поводу таких заботливых приготовлений в ожидании возможного будущего события. Но она ничего не сказала и обещала подготовить заказ к означенному дню.

Через два дня она получила письмо, сообщающее, что ее единственный ребенок заболел корью, в то самое утро визита таинственной дамы в черном. Болезнь приняла серьезный оборот, и мать была вызвана со всею поспешностью. Через тринадцать дней — *ровно через две недели после того, как был получен заказ* на погребальную одежду, — ребенок умер. Но маленькая старушка так и не пришла забрать его для *своей* внучки. Прошел месяц, а «маленький чепчик и длинное платьице» и доныне там как яркое напоминание осиротевшей матери об ее утрате и горе.

Это роковое событие напоминает историю появления «Реквиема» Моцарта, замечает корреспондент русской газеты «Свет».

Другой загадочный факт, привлечший внимание из-за того, что его главный герой принадлежал к высшему дворянству, был напечатан во всех главных газетах Германии и России.

Хорошо известный житель Варшавы, богатый граф О. из Б., узнав, что он болен чахоткой первой стадии, когда еще не было непосредственной опасности для его жизни, созвал друзей и родственников в дом своих родителей и сообщил им, что собирается умереть на следующий день, ровно в полдень, несмотря на протесты всех присутствующих. Он спокойно распорядился, чтобы гроб изготовили и принесли в комнату в тот же самый вечер. После этого он послал за священником и заплатил ему вперед за определенное количество молебнов и *панихид*, составил завещание и завершил тем, что отослал ряду своих друзей и знакомых письма с приглашением на собственные похороны. Приглашения в траурной рамке были написаны им самим, его рукою и указывали точную дату и час торжественной церемонии переноса тела из дома в собор, также как и день погребения. На другой день, согласно своему предсказанию, он надел черный вечерний костюм, белый галстук и перчатки, после чего, разместившись в гробу за несколько минут до того, как часы пробили двенадцать, он *сам улегся* предписанным образом и в назначенный час испустил дух. Этот случай показался властям таким странным, что была назначена аутопсия, но никаких следов яда или насильственной смерти обнаружено не было.

Было ли это *предвидением*, или следствием навязчивой идеи, либо воображения, столь сильно перевозбужденного, что смерть должна была подчиниться мысли? Кто может сказать?

Первым признаком приближающейся смерти, говорит Уэйкли, «у некоторых является сильное предчувствие близкой кончины».

Затем автор упоминает Озанама — математика, который, будучи явно в добром здравии, отвергал учеников «из-за чувства, что он пребывает накануне отдыха от своих трудов». Он умер очень скоро после этого от апоплексического удара.

Моцарт писал свой «Реквием», упоминавшийся выше, в твердой уверенности, что этот шедевр его гения сочинялся для него самого и что в первый раз он будет исполнен только после его смерти. Когда его смерть приблизилась, он попросил партитуру, и обращаясь к находившимся рядом, спросил: «Разве я не истинно вам

говорил, что для себя самого сочинял я эту песнь смерти!» Последняя была заказана ему, как хорошо известно, в странном видении или сне, и Уэйкли считает, что Джон Хантер разрешил тайну подобных предчувствий одним предложением, «если это можно назвать тайной», добавляет он скептически. «Иногда мы, — говорит великий физиолог, — чувствуем внутри себя, что не будем жить долее, ибо жизненные силы ослабевают и нервы доносят эту информацию до мозга».

К этому Уэйкли добавляет также, что некоторые обстоятельства, когда здоровье ослабевает, часто воспринимаются как *предзнаменования*. Он говорит: «Заказ на «Реквием» в случае Моцарта, сны в случае Флетчера — повернули течение их мыслей ко гробу». Но далее ученый скептик противоречит собственной теории, сообщая случай с Уолси, чем-то напоминающий нам тот, что произошел в Варшаве. Возможность близкого конца, разумеется, может повернуть поток мыслей к внутренней уверенности в смерти; когда, однако, эта уверенность позволяет нам предвидеть и указать точный час нашей смерти, до минуты, то должно быть нечто помимо «естественного течения мыслей», помогающее так безошибочно направить нашу интуицию. По словам самого Уэйкли, «случай с Уолси был единичным». Утром накануне своей смерти он спросил у Кавендиша, который час, и получил ответ: «Девятый». — «Восемь! — сказал Уолси. — Этого не может быть, восемь часов, нет, нет, не может быть восемь часов, потому что около восьми часов вы потеряете своего учителя». День он вычислил неверно, но час — правильно. На следующее утро, когда часы били восемь, его беспокойный дух ушел из жизни.

Отрицая теорию Кавендиша, будто Уолси получил *откровение*, Уэйкли подозревает «по тому, как факт завладел его умом, что он (Уолси) полагался на астрологическое предсказание, которое для него было равносильно откровению».

Астрология, несмотря на презрение XIX столетия, не всегда бывает пустым обманом. Астрономия и астрология — сестры-близнецы, в древности одинаково почитавшиеся и изучавшиеся. И только совсем недавно догматическое высокомерие западных астрономов низвело старшую сестру до положения Золушки в хозяйстве Науки: современная астрономия пользуется плодами древней астрологии, сбрасывая ее со счетов. «Созерцание небесного заставляет человека и говорить, и мыслить более утонченно и возвышенно», — говорил Цицерон. Запад еще вернется к астрологии и тем самым докажет интуицию Востока, где она культивировалась.

«Тело — лишь покров души, при его распаде мы раскроем все тайны природы, и темнота рассеется». Таков «способ восприятия идеи» мудреца Сенеки.

Человек состоит из двух тел — *внутреннего* и *внешнего*, причем внутреннее является двойным, то есть имеет, в свою очередь, полуфизическую внешнюю оболочку, которая служит в качестве *астрального существа* только в течение жизни человека; разложение этой внешней оболочки может начаться, когда человек еще пребывает в кажущемся здравии. Ибо в период своего заключения в живом теле «двойник» — или та оболочка астральной формы, которая единственно продолжает существовать, — слишком тесно связан со своим тюремщиком (человеком) и слишком обременен физическими частицами,

связанными с заточением во плоти, чтобы действительно требовать, пока собственно астральная форма совершенно не освободится, выброса из последней.

Поэтому этот предварительный процесс очищения можно справедливо назвать «разложением *внутреннего* человека», и оно начинается намного раньше агонии и даже последнего заболевания физического человека. Давайте допустим столь многое и затем спросим: почему в таком случае, чтобы объяснить предвидение некоторыми людьми часа своей смерти, мы должны использовать для объяснения феномена «откровение» *извне*, сверхъестественность или еще более неудовлетворительные гипотезы чисто физиологического характера, подобные тем, которые приводят Хантер и Уэйкли и которые, более того, вообще ничего не объясняют? В процессе и после разрушения «двойника»,* когда темнота нашего человеческого неведения начинает рассеиваться, мы можем увидеть многие вещи. Среди них — то, что сокрыто в будущем, ближайшие события которого, омрачающие очищенную душу, стали для нее как бы настоящим. «Прежнее я» уступает место «действительному я», которое, после окончательного разрушения и «двойника», и физического тела, в свою очередь, должно трансформироваться в «Вечное Я».

* То, что такое *разрушение* должно предшествовать разрушению физического тела, доказывают нам некоторые явления. Одним из них является тот достоверно установленный *факт* (разумеется, для тех, кто верит в подобные факты), что астральные двойники живых людей — например, *колдунов* — бояться стали и могут быть повреждены мечом или огнем; более того, ранение их воздействует на физическую оболочку и оставляет на них отпечатки и шрамы, тогда как астральные тела даже «призраков элементариев» *не могут быть повреждены*.

Таким образом «*истинное Я*» может передавать свое знание в физический мозг человека, и мы можем услышать и увидеть, как точный час нашей смерти бьет на часах Вечности. Они становятся видимыми для нас через угасающую природу нашего умирающего «двойника», который переживает нас на очень короткий период, если переживает вообще*, а также благодаря вновь обретенным силам очищенной души (высшего *тетрактиса*, или четверицы), все еще являющейся интегральным целым, но уже обладающей теми способностями, которые ожидают ее на более высоком плане. Значит, именно благодаря нашей душе, по мере приближения к концу, мы видим все яснее и яснее, и именно благодаря пульсациям нашего распада приближаются горизонты более обширного, глубокого сознания, прорываясь в наше ментальное зрение и становясь с каждым часом все отчетливее для нашего внутреннего взора. В противном случае, как можно объяснить яркие вспышки памяти, пророческую способность предвидения, которые столь же часто приходят к ослабленному старцу, как и к уходящему юноше? Чем ближе человек к смерти, тем ярче становятся давно забытые воспоминания и более точными — предвидения. Раскрытие внутренних способностей происходит по мере того, как замирает источник жизненной силы.

* Когда «двойник» живого человека разрушается до его физической смерти, он исчезает навсегда. Но если смерть приходит внезапно, он может пережить заключавшее его тело, но тогда, поскольку процесс разрушения происходит вне мертвого тела, душа страдает и в

нетерпении часто старается сбросить частицы, ограничивающие ее свободу и привязывающие ее к Земле, к жизни, — говорится в рукописи Теренция. Случаи внезапных смертей и самоубийств подробно описаны «мирским челой» во «Фрагментах оккультной истины» м-ра А.П. Синнетта. Самоубийство — это самое худшее. (Этот же текст можно найти в VI главе «Эзотерического буддизма» Синнетта — прим. сост. собр. соч. Е.П.Б.)

На самом деле жизнь на Земле подобна дню, прошедшему в глубокой долине, со всех сторон окруженной высокими горами, с грозовым, затянутым тучами небом над головами. Высокие холмы закрывают от нас весь горизонт, а темные облака заслоняют солнце. И только к вечеру ненастного дня солнечный луч, пробиваясь сквозь расщелины скал, приносит нам свой чудесный свет, давая возможность мельком увидеть то, что вокруг нас, впереди и позади.

* * *

Еще один предмет заинтересовал мистиков столицы русской империи. Это лекция, прочитанная 27-го марта в Педагогическом музее профессором Н.Вагнером — выдающимся зоологом и не менее выдающимся спиритуалистом. Какими бы ни были взгляды этого великого человека науки относительно сил, которые могут стоять за так называемыми медиумическими манифестациями, профессор явно воспринял теории веданты и даже адвайты что касается вопроса «жизни и смерти» — предмета его лекции.

Спорный вопрос о жизни и смерти, сказал лектор, помимо принца Гамлета занимал многих философов. Выдающиеся естествоиспытатели, целители и мыслители тщетно пытались разгадать сию великую тайну. Различные ученые мужи давали нам разные определения жизни. Например, Биша определяет жизнь как способность противостоять естественным законам, тогда как другой ученый говорит, что жизнь представляет собою ряд изменений и является способностью живых существ противостоять и противодействовать разрушительным силам природы.

Известный физиолог Кювье находит, что жизнь — это способность живых существ постоянно изменяться, сохраняя при этом определенные частицы, но в то же время освобождаясь от тех элементов, которые для них бесполезны и могли бы, будучи сохраненными, стать вредными. Кемпер говорит, что жизнь — это всего лишь постоянное изменение вещества.

Согласно Герберту Спенсеру, «жизнь есть координация действий» и «приспособление внутренних процессов к внешним условиям».

Все приведенные выше определения, как бы хороши они ни были, профессор Вагнер находит неверными. Они отражают только внешнюю сторону жизни, не затрагивая ее сущность. Универсальное проявление жизни, сказал лектор, восходит поступательно во всех своих феноменах, от простейших форм к самым сложным. «Каковы же тогда могут быть причины, каковы же силы, — спрашивает он, — которые управляют жизнью и изменяют ее? Именно с этой точки зрения мы должны изучать феномен жизни. Жизнь — это химическое проявление, говорит большинство физиологов. Химизм — самая заметная особенность растительных и животных организмов».

Кант определял жизнь как движение образования и разрушения, в котором химическая деятельность играет самую значительную роль.

Шеллинг утверждал, что «жизнь есть стремление к индивидуализации; это синтез, гармонизация процессов, совершающихся в организме». Как же тогда мы можем поверить, спрашивает лектор, «что эта *индивидуальность* исчезает с нашей смертью? Почва провинции Шампань состоит из микроскопических раковин, весь город Париж построен на земле, являющейся сохранившимся реликтом органической жизни. В природе то, что *было*, всегда готовит то, что *будет*. Жизнь есть **энергия***. *Все индивидуальные энергии рано или поздно должны погрузиться и стать едиными со вселенской энергией*».

* **Единая жизнь** эзотерической философии?

Так говорит лектор. Это как у Лонгфелло:

О, души тех, кто умирает, —
Лишь восходящие солнечные лучи.*

* In Christus: A Mystery. Part II: «The Golden Legend».

Духовное **солнце**, с которым они в конце концов соединятся не для того, чтобы исчезнуть, а для того, чтобы вернуться на Землю, подобно другим лучам, — это не «страна», откуда гости могут явиться к нам в своей *индивидуальности*. Немного оставшегося тепла — это *не* солнечный луч, но след его химического действия, так же, как *фотография* не есть человек, а лишь передача его отражения. Но:

Те духи, что, невидимые,
Порхают вокруг,
Как пылинки в потоке лучей,
Коль их некроманта заклинанья заставят,
То могут они надоумить людей...

Если вместо слова «некромант» мы напишем «медиум», процитированные строки обретут скрытый смысл и объект внимания ученого лектора, заканчивающего свою лекцию выводом, который не стал бы отрицать ни один ведантист. Профессор Вагнер является широко известным *ортодоксальным* спиритуалистом. Как же тогда, показывая на неопровержимых научных доказательствах, что все «индивидуальные энергии», то есть души, поглотятся и в конце концов станут едиными со «вселенской энергией» (Парабрахмом веданты), или мировой душой, он может сочетать эту веру с верою в «духов» спиритуализма? Это странное противоречие. Ибо наш дух — это либо *сам* «луч» поэтической метафоры Генри Лонгфелло, либо только «пляшущий в солнечном луче», согласно метафоре Джеймса Даффа. Он не может быть и тем, и другим одновременно.

Жизнь и смерть — такая же загадка для человека науки, как и для спиритуалиста или неверующего богохульника. Чем меньше они говорят об этом, при

теперешнем хаотическом состоянии знания касательно сей загадки, тем лучше для истины. Современная наука и спиритуализм являют собой два противоположных полюса. Один из них категорически отрицает все, кроме химического действия и материи, другой, следуя своим фантастическим построениям, их ни во что не ставит; и тем самым оба отказываются от разумной почвы глубокой философии и логики. Наука не желает знать метафизики спиритуалистов, а последние не допустят теории даже того трансцендентного химического действия, которое, как показывают теософы, играет более важную роль, нежели *духовная* «энергия» развоплощенных друзей, в сходстве их умерших, столь смущающем людей.

Однако оставим этот спорный вопрос воюющим сторонам, которые прямо заинтересованы в том, чтобы уладить его между собою. Обе стороны утверждают, что руководствуются *логикой* и *фактами*, и обе претендуют на то, чтобы их мнение называлось «философией», а пока... обе правы и обе неправы. Метод материалистической точной науки — такая философия, которая

...обрежет ангельские крылья,
Все тайны к уравниеньям приведет,
Опустошит бурлящий жизнью воздух
И населенный гномами рудник,
Развеет радугу...

«Философия» спиритуалистов состоит в отрицании любой иной философии во спасение собственной. Однако они достойные противники ученых. Люди науки называют спиритуализм «вредным предрассудком», подобно тому, как Плиний и его современники называли раннее христианство «самой пагубной сектой». И ученые, и лидеры спиритуализма имеют взаимное право жаловаться друг на друга; ибо, как сказано у Филдинга, «если предрассудок делает из человека глупца, то скептицизм делает из него **безумца**». Однако ни один из двух врагов ничего не знает о тайнах жизни и смерти, хотя оба ведут себя так, словно они — единственные наперсники природы, в чье ухо таинственный Сфинкс прошептал разгадку великой загадки.

Материалист *презирает* смерть, говоря, что не боится, поскольку в его поле зрения нет никакого «потустороннего мира». Спиритуалист приветствует «ангела с неувядающим венком», распевая: «Смерть, где твое жало?» и т.д. И все же — один к десяти — большинство из обеих сторон предпочитает жизнь той перемене, которая, согласно их собственным взглядам, разрушит одного до химических молекул, а другого превратит в дематериализованного ангела!

Кто из них прав, а кто нет, решит лишь время — великий разоблачитель сокрытых истин. Для автора же сих строк, отвергающего спекуляции обеих сторон и придерживающегося безопасной позиции срединного пути, смерть, перед чьим таинственным безмолвием и спокойствием столь многие содрогаются в страхе, не является чем-то внушающим ужас — возможно, потому, что он не облакает ее большей таинственностью, нежели следует. Смерть — это «старый, старый образ», подкрадывавшийся к спасению маленького Пола Домби, а жизнь — лишь быстрая река, несущая нас к этому океану отдохновения. «Тихо положите меня в землю, поместите на мою могилу солнечные часы и позвольте мне стать

забытым», — молит Джон Говард, который, как и мы, наверное, считает, что люди поднимают слишком много шума вокруг смерти и слишком мало — вокруг рождения каждого нового кандидата на нее.

Жизнь — это в лучшем случае спектакль, нередко драма, но гораздо чаще — участие в небольшом фрагменте низкопробной комедии. Это «явление», после которого занавес опускается, свет гаснет, а измученный герой падает в кровать с чувством приятного облегчения.

Как говорит об этом Шекспир:

Жизнь — только тень, комедиант,
Паясничавший полчаса на сцене
И тут же позабытый; это повесть,
Которую пересказал дурак;
В ней много слов и страсти, нет лишь смысла.*

* «Макбет», акт V, сц. 5.

«Теософист», август и сентябрь 1885.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

